

УРОКИ ЮГОСЛАВСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ*

Один из первых вопросов, возникающих при чтении заголовка статьи: что следует считать экономической реформой? Здесь важно учесть, что в понятие реформы не входят перемены на краткосрочную перспективу, которые лишь „смазывают” экономический механизм, обеспечивая более „гладкую” его работу. Реформы — это комплекс мер, цель которых — внести коренные изменения в функционирование экономической системы. После второй мировой войны в югославской экономике было проведено несколько реформ именно такого типа. Что касается уроков этих реформ, то настоящая статья не рассматривает проблем адекватности, выбора времени и последовательности проведения мер, намеченных в рамках реформ. Наш анализ сосредотачивается скорее на некоторых более широких вопросах, связанных с югославской экономикой и ее преобразованием.

Хронологически первая и наиболее важная реформа была проведена в 1950 г. Главной чертой этой реформы было введение рабочего самоуправления, отход от централизованного планирования и введение общественной собственности на средства производства вместо государственной.

Вторая реформа имела место в 1965 г. как итог 15-летнего опыта рабочего самоуправления на предприятиях, но экономика и после этого осталась закрытой и сохранились жесткие ограничения на функционирование рыночных сил.

Третья реформа проводилась в середине 70-х годов. Ее основные черты можно проследить по двум документам: по

* По английски статья была напечатана в сборнике "Communist Economies" № 2, 1989, Лондон.

Конституции 1974 г. и по закону об ассоциированном труде, принятом в 1976 г. и нередко называемом „миниконституцией” и (или) „конституцией рабочего класса”. Подлинной целью этой реформы было создание законных основ (хотя эти меры протаскивались через заднюю дверь) для ликвидации только зарождавшихся рыночных сил в югославском хозяйстве и возвращение хозяйства назад — под всеобъемлющий политический контроль. Отсюда возникли заявления о функционировании экономики на основе „социальных взаимодополнений” и „соглашений в рамках самоуправления”. На практике это вело к узаконению государственного и политического контроля над экономикой.

Четвертая реформа, направленная на пресечение предыдущих, началась на заре 80-х годов. Официально она была названа „Программой стабилизации экономики”. Соответствующий закон был принят в 1983 г., но в реальной экономической политике он так и не был применен никогда. Главной отличительной чертой этой реформы была попытка устранить отрицательные последствия „дирижерского” характера „договорной экономики”. Термин „договорная экономика” сам по себе ошибочен: трудно доказать, что экономика основана на подлинно свободных договорах и еще труднее защищать претензию системы такого типа на что-либо общее с экономической эффективностью, ибо экономическая эффективность и основные параметры поведения всех участников „процесса расширенного воспроизводства” были во многом ограничены контролем правительства над экономикой.

В настоящее время под лозунгом реформы экономической системы делается пятая попытка, на этот раз — ввести в хозяйство черты рыночной экономики. В 1988 г. федеральное правительство создало соответствующую комиссию. Время покажет, дадут ли нынешние меры более положительные результаты, нежели прежние попытки.

Несмотря на трудности, элементы иррационализма и расточительство, в какой-то мере свойственные любой социально-экономической системе, можно сказать, что югославское общество при различных формах давления на него все-таки с 1945 г. и до конца 60-х годов сохраняло способность к развитию и совершенствованию в рамках вполне допустимых колебаний.

Лишь с 70-х годов из-за отхода от рыночной экономики

и принципов демократического устройства, на югославское общество посыпались удары, и последствия этого стали весьма ощутимыми в 80-е годы. В 70-е годы в югославском обществе еще росло потребление, благодаря поступлениям валюты от работающих за границей и вливания иностранных займов. Однако в те годы уже шел ускоренный распад югославского общества, который был законодательно закреплен конституцией 1974 г. и законом 1976 г. об ассоциированном труде. Признаки распада стали проявляться во всех областях — от политики до культуры и экономики. Однако эйфория погребительских пастроений мешала разглядеть эти признаки. Взрыв удалось отсрочить всего на несколько лет; он произошел в начале 80-х годов в форме кризиса внешней задолженности, а затем как снежный ком прокатились забастовки, началась гиперинфляция, экономический застой и нехватка товаров.

Отсутствие опыта или сохранение монопольных позиций?

Прежде всего следует разобраться, почему многочисленные усилия изменить экономическую систему не привели к каким-либо положительным результатам? Ведь, пожалуй, рискованно было бы полагать, что у югославского общества отсутствуют знания или экономический опыт. Кроме того, некоторые меры все же способствовали развитию социально-экономической структуры Югославии. В каком-то отношении югославский опыт сыграл историческую роль в общем познании теории и практики экономических систем социализма. В этом смысле реформы 1950 и 1965 гг. можно рассматривать как прогрессивные. Кроме того, можно усмотреть логическую последовательность и преемственность между попытками 1950-х годов ввести децентрализованное планирование и рабочее самоуправление и попыткой 1965 г. более энергично ввести в югославскую экономику силы рынка. Однако в 1968 г. в социально-политической ситуации Югославии стали ощущаться результаты введения в экономическую политику более „рациональных” критериев. Неверное использование факторов производства выявилось уже в 1964–1965 гг. и многие расценивали это как результат введения рыночных сил (избыток фиксированного капитала,

давление безработицы). На фоне бурных политических событий в Европе, как в Западной (студенческие беспорядки), так и в Восточной (советская оккупация Чехословакии), оппоненты рыночной экономики оправдывали свои требования необходимостью обеспечения политической стабильности, необходимостью отказа от дальнейшего риска в экономической жизни.

Антирыночные настроения тогда (как и сегодня) имелись в различных слоях югославского общества. Хотя многие иностранные наблюдатели при обсуждении проблем Югославии подчеркивают роль этнических различий, я полагаю, что, несмотря на этнические различия (которые не являются уникальной чертой Югославии), другая линия раздела между югославами заслуживает большего внимания: разногласия между силами, одобряющими введение рыночной экономики, и силами, противодействующими этому.¹ Линия раздела между этими двумя группами пересекает все национальные, лингвистические и профессиональные границы, границы между группами, различающимися по уровням доходов и по всем прочим показателям. Линия раздела проходит и внутри элиты, и внутри рядового населения. Это не удивительно: каждый отдельный участник экономической жизни, а подчас и рабочие коллективы и группы интересов, представляющие различные области производства товаров и услуг, прилагают ко всему одну и ту же мерку: что эта реформа означает для меня?

И в 1950-м и в 1965 г. существовали силы, противившиеся переменам из страха поставить под удар монопольное положение отдельных лиц и групп. Трудно отрицать, что для многих посредственных руководителей легче выполнять указания центрального планового органа, нежели конкурировать на рынке. То же справедливо для всех лиц и групп, общие знаменатели которых — посредственность и страх конкуренции, в особенности если высокий уровень жизни может быть достигнут простой принадлежностью к официально не существующей номенклатуре. Введение правил рыночной игры бросает им вызов, создает риск. Возникает классическая дилемма надежности и возможности. Еще более важным фактором является экономическая и политическая монополия. Один из уроков, вытекающих из попыток экономических реформ в Югославии, состоит в том,

что крайне трудно обеспечить условия существования рыночной экономики, не вводя элементов конкуренции в политическую жизнь. Практически в каждом случае, когда удавалось смягчить ограничения экономических свобод, это достигалось при согласии политического руководства дать больше политических свобод. Приведем лишь один из многих примеров: чтобы снизить давление безработицы и обеспечить новый источник обратимой валюты, понадобилось снизить ограничения на передвижение людей. Экономической цели нельзя было достигнуть, не обеспечив отправления одного из важнейших человеческих прав — свободы передвижения и выбора места работы (по-настоящему, во всеобщих масштабах).

Вот почему реформу 1965 г. следует считать одной из самых отважных попыток во всем югославском социалистическом эксперименте. Неудача этой попытки имеет такое же историческое значение. Чтобы остановить развитие „социалистической рыночной экономики” и обеспечить монопольные позиции отдельных групп в политической и экономической жизни, в начале 70-х годов народ начали готовить к принятию „конституции Бриони”^{*} 1974 г. и последовательно за ней закона об ассоциированном труде. Эти акты — лучшие примеры вырывания корней рыночного подхода к экономической жизни и возвращения к огосударственной экономике под прикрытием ханжеских „соглашений о самоуправлении”, „социальных договоров” и „общности интересов”.

Другой важный урок югославских экономических реформ касается вопроса о политических препятствиях экономической логике. В этом смысле югославский опыт далеко не уникален. Все подобные попытки в других социалистических странах встречаются с теми же проблемами. Для политической элиты главный источник законности пребывания у власти и сохранения власти состоит в поддержании коалиции с рабочим классом. Введение элементов реформы, повышающих роль рыночных сил, создает трудности переходного периода. Но как только появляются сигналы, что „рядовой рабочий” может быть недо-

^{*} Остров в Адриатическом море, где была резиденция Тито (примечание переводчика).

волен последствиями реформы, политическая элита немедленно отступает, даже если приходится расплачиваться застойной инфляцией (стагфляцией) и еще большими издержками, с которыми в будущем все равно придется столкнуться из-за неизбежности этих перемен. Выбирая между поверхностным „социальным умиротворением“, с одной стороны, и между эффективностью и экономическим процветанием, — с другой, элита предпочитает „не раскачивать корабль“. В течение многих лет осуществлялось скрытое соглашение двух сил: элита соглашалась терпеть низкую производительность, нарушения трудовой дисциплины и прогулы, а рабочие соглашались на низкую заработную плату. От этой формы длительного сотрудничества (на длинную ножа), кажется, стали отходить лишь в 1988 г. Введение рыночной экономики неизбежно устраняет такой тип гармонии интересов двух социальных сил. Переход от существующей системы к рыночной невозможен без признания банкротства и закрытия многих действующих предприятий. Период безработицы тех, кто от этого пострадает, может продлиться от нескольких месяцев до нескольких лет.

Возникает логический вопрос: из каких источников будут получать поддержку безработные? Отсутствие приемлемого ответа известно и элите, и рабочему классу. Это порождает новые элементы связи и сотрудничества между ними. Что касается экономической системы, это означает новую отсрочку введения рыночной экономики.

Открытость экономики

Одним из наиболее важных положительных последствий югославской экономической реформы 1965 г. было ускорение продвижения югославской экономики к открытости. Признание допустимости рыночных отношений почти автоматически ведет к этому. При всех ограничениях, югославский динар никогда не был так близок к статусу конвертируемой валюты как в 1965–1968 гг. Открытость югославской экономики означала открытость югославского общества новым экспериментам и идеям. Верно, что иностранные влияния не всегда были только благотворны, но их общий итог можно рассматривать как весьма

положительный. Открытие границ для передвижения людей, товаров и услуг в обоих направлениях помогло югославскому хозяйству и обществу сократить разрыв во многих областях социального, экономического, политического и культурного развития, который существовал не только вследствие различий в уровнях хозяйственного развития между Югославией и остальной частью Европы, но также и вследствие совершенно закрытого характера югославского общества в 1945–1956 гг. и весьма медленного его продвижения к открытости в 1957–1965 гг.

Здоровая ориентация Югославии на открытость экономики способствовала обеспечению занятости для излишков рабочей силы, которые возникли при переориентации хозяйственной политики на так называемую интенсификацию, в отличие от экстенсивного роста, преобладавшего в 1945–1965 гг.

Как традиционные, так и новые структуры экспорта товаров и услуг пополнились благодаря участию Югославии в международном разделении труда посредством продажи квалифицированной и неквалифицированной югославской рабочей силы западноевропейским странам за твердую валюту. Понятно, что не существует такой экономической деятельности или процесса создания дохода, которые не требуют издержек. Важно, однако, отметить, что в 1965–1987 гг. около 2,5 млн. югославов работали в странах Западной Европы (многие возвращались туда по нескольку раз). В номинальных показателях их финансовый вклад в благосостояние Югославии в форме валютных переводов можно сравнить с поставками по плану Маршалла (программа восстановления Европы). Одновременно страна получила и множество безвалютных выгод: опыт, знакомство с новой технологией и новой организацией производства, что во многом способствовало модернизации повседневной жизни в Югославии. Это сопровождалось усилением тяги к потреблению, но одновременно выдвигались требования большей демократизации, а также лучшей организации общественных служб. Все это можно отнести к положительному вкладу продвижения югославской экономики к открытости.

Сам факт, что огромное большинство работавших за границей решили использовать свои заработки для улучшения условий своей жизни в Югославии, показывает, что эти югославы

приняли основы социально-политического и экономического устройства страны. Ни одна другая социалистическая страна не поставила под такую проверку свою экономическую, политическую и социальную систему. Работавшие в Западной Европе граждане составили в югославском обществе важную группу сторонников экономической рационализации системы.

Одно из самых отрицательных последствий югославских реформ в сфере сотрудничества с внешним миром — импорт капитала посредством займов. Здесь идеология преодолела экономическую логику. С 1948 г. Югославия избрала иностранные займы в качестве главного, а до 1967 г. — единственного легального средства импорта капитала. Лишь в 1967 г. после многочисленных обсуждений была признана законной и другая форма импорта капитала — совместные предприятия. Однако условия для импорта капитала на этой основе оказались неблагоприятными. В 1967—1987 гг. было заключено около 340 контрактов между югославскими и иностранными предприятиями о создании совместных фирм. Эта цифра может показаться внушительной, но лишь на первый взгляд. Общий объем капитала, вложенного в югославскую экономику через этот канал, составил в кумулятивном выражении около 250 млн. долларов. Это означает, что для иностранных вкладчиков югославский рынок малоинтересен. Этот вклад не имел практического значения даже для Югославии, а тем более для хозяйства стран-вкладчиков. Главными причинами столь слабого участия иностранного капитала в югославской экономике были как экономические, так и идеологические факторы. В 80-е годы югославская экономика переживала застой, и опасения, что прямые вложения приведут к эксплуатации труда, были столь велики, что хозяйство было подвергнуто гораздо более тяжелой форме эксплуатации — импорту иностранного капитала в форме займов. В итоге иностранные вкладчики не приняли прямого участия в организации производства и предпринимательском риске. При этом политократия получила возможность распределить иностранные займы по территориальным (политическим) единицам и по различным отраслям экономики. При отсутствии внутреннего рынка капиталов иностранные займы оказались средством смягчения ответственности руководителей, принимающих решения, за состоя-

ние югославской экономики и за нежизнеспособность экономической системы. Влияние иностранного капитала в форме займов приобрело своих защитников и сторонников как среди иностранных капиталовладельцев, так и среди политического руководства, но влияние это на экономику Югославии было отрицательным. Иностранные кредиты привели к тому, что вовлечение югославской экономики в мировую экономическую систему было заторможено, а Югославия оказалась в десятке стран мира с наивысшей задолженностью. Последнее обстоятельство объясняется также множеством „белых слонов” среди новых капитальных проектов, а также престижных „пагод”, воздвигнутых по всей стране вследствие децентрализованности процесса принятия решений национальными и (или) этническими монопольно-бюрократическими элитами.

Сравнивая югославскую политику в отношении иностранных капиталовложений (иных, нежели через займы) с политикой других социалистических государств, мы видим, что Югославия утратила ведущую роль в этой области, хотя была в ней пионером, подняв вопрос о совместных предприятиях уже в 60-е годы и дав им первые легальные обоснования уже в 1967 г.

Но гораздо важнее, чем потеря лидерства, были отрицательные последствия нехватки иностранных капиталовложений в условиях острой безработицы в стране. В этом контексте следует напомнить о полемике по поводу так называемой XII поправки к конституции 1974 г. Независимо от позиции автора этих строк в данной дискуссии, поправки — это форма усовершенствования или шаг к улучшению в основе своей хорошего и приемлемого текста. Поскольку, однако, конституция 1974 г. („Конституция Бриони”) по самой своей сути не отвечала требованиям и ожиданиям, связанным с созданием структуры будущего югославского общества, развивающегося в направлении рыночной экономики и более спрямленной политической демократии, то не было никаких реальных оснований для попыток исправить ее. Но так как возможностей начать работу над проектом новой конституции не было, поправки следует рассматривать как второе предпочтение.

Многие участники открытой дискуссии относительно иностранных вложений и их роли в югославском хозяйстве

страдают манией „защиты югославской экономики“. Допуская, что все правительства, а также политические партии имеют право и даже обязаны проявлять заботу о подлинных интересах национальной экономики своих стран, необходимо тщательно проверить, защищает ли протекционизм интересы национальной экономики. Не важнее ли для хозяйства Югославии проблемы безработицы, инфляции, застоя, падения уровня жизни и нельзя ли хотя бы отчасти ослабить эти симптомы неправильного функционирования экономики с помощью иностранных капиталовложений? Впрочем, в ее нынешней версии XII поправка открывает новые возможности и предлагает новые формы использования иностранных капиталов в Югославии: создание смешанных предприятий с участием иностранных и югославских фирм; создание в Югославии предприятий, находящихся в полной собственности иностранных компаний; соединение совместных предприятий и прямых иностранных капиталовложений в югославские предприятия, кооперативы и деловые фирмы; создание совместных финансовых учреждений (банков, финансовых трестов).

Что касается смешанных предприятий, то тут есть две возможности: создание фирм с ограниченной ответственностью и фирм типа акционерных корпораций.

При этом Югославия сможет занять более гибкую позицию и, возможно, привлечет иностранные капиталовложения в различных формах. Однако, противники этих предложений считают, что если будут приняты изменения, вносимые поправкой XII, то это приведет к нарушению следующих двух принципов:

- а) запрета иностранцам владеть собственностью в Югославии и иметь статус собственников;
- б) определения личной и общественной позиции каждого его работником по имуществу в различных областях, а не по капитальным вложениям в какой-либо вид деятельности, как это было установлено в Югославии с 1946 г.

Вопрос о том, насколько соблюдение этих основных принципов способствовало накоплению экономических трудностей в Югославии, еще не ставился — по крайней мере, автору статьи об этом ничего не известно.

Весьма важный аспект экономического и финансового сотрудничества Югославии с зарубежными странами, в особенности с точки зрения потенциала иностранных капиталовложений, — проблема их безопасности. Это особенно важно, если пространные капиталовложения имеют иную форму, нежели займы. Анализ позиций иностранных вкладчиков в прошлом и в настоящем многократно показывает, что они предпочитают избегать политического риска. Поэтому страны со стабильным порядком и законами при прочих равных условиях имеют преимущества в глазах возможных вкладчиков.

В этом смысле политика преследований и дискриминации сербов и черногорцев албанским меньшинством в провинции Косово и Метохии имеет по меньшей мере два серьезных экономических последствия:

а) кроме страданий людей при насильственном изгнании сербов и черногорцев из Косова и Метохии, тяжелое бремя содержания неэффективных полицейских сил привело к социальным затратам без всяких социальных выгод;

б) с точки зрения возможностей притока капиталов из-за границы, ситуация в Косове и Метохии увеличивает риск для потенциальных вкладчиков. Трудно отрицать, что потенциальный вкладчик может задаться вопросом: является ли Югославия хорошим местом для вложения капитала. Если федеральное правительство не в состоянии защитить собственных граждан от варварской жестокости и политики геноцида, то каковы шансы на защиту иностранцев и их собственности?

Проблема собственности

Еще один весьма важный урок экономических реформ в Югославии касается проблемы собственности. Югославия внесла вклад в социалистическую теорию и практику, в частности, учреждением нового института общественной собственности. Он возник как реакция на отрицательный опыт всемогущего государства и права государственной собственности советского образца. Введение нового типа общественной собственности — большая заслуга Югославии. Вопрос об этой форме собственности тщательно обсуждался и отработывался в Югославии как самими

югославами, так и ее сторонниками и противниками за рубежом. В мае 1988 г. все академии наук и искусств в стране организовали конференцию для рассмотрения вопроса о собственности на нынешнем этапе социально-экономического развития.

Во многих докладах, зачитанных на конференции, был сделан вывод о необходимости расширения спектра легальных возможностей существования и сосуществования разных форм собственности в Югославии. Поскольку в стране уже есть несколько типов собственности (государственная, общественная, кооперативная, частная, личная), то практически это должно быть истолковано как требование внести поправки в ту сферу, которая до сих пор оставалась в законодательстве неизменной — об общественной собственности. Чтобы уменьшить, а то и вовсе прекратить пренебрежение общественной собственностью, нужно ограничить хотя бы возможности неправильного распоряжения ею. Это может быть достигнуто допущением частной собственности, коллективной собственности, кооперативов и акционерных компаний, а также различных форм партнерства. И югославы, и иностранцы должны иметь право участия во всех этих формах собственности.

В течение многих лет общественная собственность, по-видимому, в большинстве случаев трактовалась как никому не принадлежащая или вообще не собственность. Критическим признаком было отсутствие точных определений и точной локализации лиц и групп, ответственных за те или иные секторы общественной собственности. Можно лишь порадоваться, что после почти четырех десятилетий отсутствия рыночной конкуренции, в ситуации, когда ни одна фирма не может обанкротиться и закрыться, положение югославской экономики все-таки не столь ужасно, как могло бы быть.

Известно, что общественная собственность порождает сильные тенденции к эгалитаризму в политике доходов; но можно выдвинуть еще более сильный довод, почему следует покончить с монопольным положением общественной собственности ради введения разных видов собственности: это обеспечит югославскому рабочему классу и всем работающим по найму (а также безработным) возможность самим принимать решения относительно формы участия в процессе производства.

Следует создать различные варианты получения доходов, на основе чего должна возникнуть конкуренция на рынке труда. Однако в условиях монополии общественной собственности сложилась искаженная картина рынка труда. Многие югославские ученые, а также политики считают, что югославские рабочие „не заинтересованы” в увеличении заработка. Действительность опровергает это. Есть масса свидетельств о том, что значительная часть югославских наемных работников придерживаются совершенно противоположного мнения. Нет никаких оснований полагать, что в Югославии доля работников, предпочитающих реальный доход доходу денежному, намного меньше или больше, нежели в других европейских странах. Большие группы рабочего населения предпочли бы работать тяжелее, дольше и при более высоких требованиях к качеству труда, но увеличить заработок.

Первейший довод в пользу такого мнения — высокие достижения югославов, работающих в западноевропейских странах. Столь же сильный довод — вовлечение югославов в их собственную „подпольную” экономику, где работают после окончания рабочего дня на предприятиях, находящемся в общественной собственности, и работа на приусадебных участках — не только для сокращения расходов на питание, но и для продажи произведенной продукции на рынке. В противоположность общепринятому в Югославии мнению, что производительность труда этой категории работников ниже по сравнению со средней, ряд эмпирических исследований дал как раз противоположный результат: производительность выше средней в обеих областях — и на фабрике, и на земле. Другое доказательство того, что югославский рабочий предпочитает работу досугу, это проблема безработицы. Большинство предпочитает работать, а не жить лишь на пособие по безработице при значительных возможностях легкого побочного заработка.

Общий вывод относительно монопольного положения общественной собственности состоит в том, что югославское хозяйство не использует все свои возможности, поскольку ни рабочие, ни руководители не получают максимально возможный доход. Обычно максимализация доходов в югославской системе хозяйства может быть достигнута путем минимализа-

цин трудового вклада. Отсутствие рыночных сил, конкуренции, реального риска создает такое успокаивающее воздействие на все факторы производства, что хозяйство не только страдает, но просто погибает вследствие длительного экономического застоя.

Воскрешение предпринимательства?

Беды хозяйства, основанного на идеологии, тормозящей эконимический рост и модернизацию, лучше всего иллюстрирует позиция политического истэблишмента, согласно которой югославское хозяйство основано на „ассоциированном труде”. Термина „предпринимательство”, понятного и профессиональному и обыденному человеческому сознанию, не только официально избегали, его нередко объявляли „антиконституционным”. Некоторые чрезмерно рьяные активисты были готовы (а есть такие, которые и сегодня готовы) считать политическими противниками всех, употребляющих термин „предпринимательство”. К сожалению, положение производственных единиц в сегодняшней эконимической системе таково, что многие из них можно назвать как угодно, только не предприятиями. У них отсутствуют многие черты предприятия, такие как предпринимательская активность, приложение результатов анализа расходов и доходов, свобода определения цен на свою продукцию, возможность выбора поставщиков и потребителей и т. д.

Чтобы воскресить предприятие как таковое, необходимо провести многочисленные изменения, и, как минимум, вернуться ко многим условиям, осуществленным в начале 60-х годов. В нынешней эконимической системе организации ассоциированного труда функционируют в рамках чрезмерного регулирования. По сообщению еженедельника „Экономска политика” — ведущего, наиболее читаемого и цитируемого в Югославии, со времени вступления во власть нынешнего кабинета (16 мая 1986 г.) и до апреля 1988 г. федеральное правительство представило парламенту 216 новых законов, из которых 120 посвящены эконимическим вопросам. За тот же период правительство приняло 6006 постановлений, обязательных как для самого правительства, так и для множества правительственных ведомств. За тот же период продолжительностью в один год и 11 месяцев

федеральное правительство издало 216 указов, приняло 970 решений и 752 постановления.² При наличии миллионов соглашений в рамках самоуправления и по общественным контрастам трудно представить, как в таких условиях может существовать предприятие. То, что должно было действовать как предприятие, стало своего рода гибридом — с одной стороны, находящимся во владении государства, с другой, — управляемым (в рамках многочисленных правил) коллективом работников вдобавок с иллюзией прямого участия, хотя все условия работы заранее predeterminedены.

Вот почему весной 1988 г. Комиссия по эконимической реформе при президенте Народной республики Сербии опубликовала официальный документ, который настойчиво требовал составления проекта нового Закона о предприятии; это дает некоторые основания для оптимизма. Учитывая, что все реформы в Югославии были результатом „революции сверху”, такое требование, исходящее из верхних эшелонов ЦК Союза коммунистов Сербии, приобретает особую значимость.

Часть общей проблемы

Югославские эконимические реформы отражают общий кризис социалистической системы как таковой. Преимущество Югославии в том, что многие проблемы так называемого реального социализма были вскрыты и ими занимались при свете дня, открыто, а следовательно, анализ был более реалистическим. Этого, однако недостаточно. Рано или поздно политическая система социализма станет более открытой и все социалистические страны Восточной Европы пойдут тем же путем. В некоторых из них эти проблемы даже не обсуждаются, но это не означает отсутствия там серьезнейших проблем. Исторически необходим полный пересмотр классической модели социализма. Для этого требуется творческий вклад, который вряд ли возможен на основе существующей модели и ее „косметически” подправленных вариантов.

Один из возможных вариантов перемен может быть назван „моральным преобразованием”. В условиях усиления фундаментализма среди протестантского населения некоторых районов

США („моральное большинство“) и мусульманского фундаментализма в странах Ислама не следует удивляться призывам к моральному возрождению старых социалистических ценностей, которые, в конечном счете, связаны с равным распределением бедности среди низов (в реальной жизни правящие круги находятся на особом положении). Еще не умерла надежда, что существующая модель социализма может вновь обрести свою идиллическую девственность, основанную, конечно, на монопольном самоназначенном руководстве и на авторитарной политической системе.

Еще один вариант решения предлагают профессионалы, в особенности уповающие на технологию, да то, что техническая модернизация решит все неразрешенные проблемы современного общества. Они забывают, однако, что техника никогда, ни на одном этапе социально-экономического развития, не была панацеей от социальных бед.

Правящая элита была бы рада улучшению экономической ситуации и условий жизни народа, но без ущерба для монопольного положения самого руководства.

Выход из кризиса?

Реформирование экономической системы в Югославии отличалось стремлением к ее либерализации и устранению недостатков существующего экономического порядка. Гораздо меньше заботы и еще меньше усилий было вложено в поиски путей выхода из кризиса на основе широкой платформы будущего социально-экономического развития. Для успеха экономической реформы в Югославии необходимо:

а) вскрыть глубокие структурные недостатки экономической модели, при функционировании которой отсутствовал анализ расходов и доходов как необходимый инструмент размещения капиталовложений и прочих ресурсов;

б) выяснить причины неэффективности хозяйственной системы как при централизованном планировании, так и при децентрализации и при введении рабочего самоуправления.

Все прежние попытки реформировать югославскую экономику скорее осуществлялись методом „тушения пожара“, нежели

путем преобразования экономических, политических и социальных условий. Это означает, что экономика и общество не подверглись общей перестройке.

Любая экономика, включая югославскую, может найти выход из продолжительного застоя и снижения жизненного уровня, но политические и экономические аспекты процесса выхода из кризиса должны осуществляться координированно. Кроме того, любая операция по спасению имеет свои издержки. С учетом исторического опыта и реальных перспектив можно предложить две альтернативы:

а) введение большего числа элементов рыночной экономики в сочетании с мягким, ненавязчивым правительственным регулированием; повышение роли частных лиц и групп, как отечественных, так и иностранных; либерализация условий проявления рыночных сил, включая внутреннее ценообразование и внешние экономические отношения; упразднение запрета на прямое участие частного сектора в международных хозяйственных операциях; поощрение предпринимательской активности путем создания всех подходящих стимулов как для работников, так и для владельцев предприятий; создание новых возможностей для умножения форм собственности в производстве и распределении товаров и услуг; отмена лимитов на размеры собственности в сельском хозяйстве.

Все эти меры должны сочетаться с развитием политической демократии и гарантиями соблюдения прав человека в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека ООН, в которой Югославия является одной из стран-учредителей и одной из первых стран, подписавших Декларацию.

б) второй альтернативой может быть репрессивная авторитарная политическая и экономическая система, характеризующаяся еще большим подавлением экономических, а стало быть — и политических свобод. Это усугубит положение, уже и сегодня неприемлемое в социальном отношении, и затруднит будущее экономическое развитие в условиях третьей технической революции. Новая техника, обеспечивая возможности для увеличения индивидуальных интеллектуальных вкладов („информационное общество“), более чем когда бы то ни было в истории нуждается в свободной личности, которая могла бы заниматься

творческим трудом. Несмотря на возможные первоначальные выгоды введения „закона и порядка”, которые могут проявиться в авторитарных обществах, застой в науке и технике, экономике и культуре неизбежен при такой „альтернативе”.

Исторический опыт Югославии и главные направления современного общественного развития вселяют надежду на то, что первая альтернатива имеет более благоприятные перспективы.

Важно, однако, не ждать слишком многого от стихии рыночных сил и не питать слишком больших надежд на их благоприятное воздействие на югославское хозяйство. Следует помнить, что большинство обремененных внешней задолженностью стран не являются социалистическими. Допущение рыночных сил — не панацея, которая освобождает руководителей хозяйства от ответственности, раз уж они призвали эти силы. Воздействие на структуру капиталовложений, социальная политика и программы социального обеспечения, как и другие механизмы экономической политики — все должно быть полностью задействовано в сочетании с механизмом рынка.

Нередко указывают на социальное расслоение в Югославии как на особую опасность в случае возрождения капиталистической системы. Однако в нынешних условиях формы обогащения отдельных лиц и групп, обусловленные отсутствием свободной конкуренции и легального риска, порождают гораздо больше несправедливостей в распределении дохода, нежели при рыночной экономике. В нынешних условиях инвестиционные фонды, из-за отсутствия возможностей продуктивного использования употребляются на совершенно непродуктивные цели вроде строительства летних дач, импорта дорогих иностранных автомобилей, заграничных поездок и других сомнительных форм потребления.

Югославский рабочий класс имеет опыт работы в условиях капитализма в качестве иностранных рабочих в странах Западной Европы. Вряд ли сохраниться среди активных ныне работников имеющие опыт работы в предвоенной Югославии — с тех пор прошло слишком много лет. Поэтому нет никаких оснований опасаться возрождения капитализма в том виде, в каком он существовал 50 лет назад, даже если бы за эти полвека в стране не произошло никаких перемен. Страх перед капитализмом основ-

вается или на идеологическом догматизме или на том, что существуют определенные группы граждан, отстаивающих статус кво. Чтобы знать реальные настроения в народе, необходимо дальше развивать демократию. Позицию молодежи в стране демонстрирует вопрос одного студента, заданный при обсуждении изменений в конституции; он хотел знать, почему, если честный предприниматель имеет только пятерых наемных работников, можно считать, что социалистические правила игры соблюдены, в то время как тот же предприниматель мог бы занять еще 30–40 работников. В чем проявится отступление от социализма, если частнику будет разрешено нанять 45 работников?³ Люди получают работу и доход, предложение товаров увеличится, безработица сократится, а система управления на всех уровнях получит больше дохода от налоговых сборов. Почему такое решение не является достаточно социалистическим?

Еще один важный урок, который можно извлечь из югославских реформ, состоит в том, что невозможно ожидать притока иностранного капитала в каких-либо формах, кроме займов, если потенциальные иностранные вкладчики капиталов не убедятся в возможности существования какого-либо существенного сектора собственности, кроме общественного. Ряд иностранных вкладчиков предпочел бы иметь в качестве своих партнеров в Югославии не только правительственных чиновников и руководителей общественных предприятий, но таких же людей, как они сами.

Монопольная политическая система — один из главных барьеров, преграждающих путь к экономическим реформам в Югославии, и не только в Югославии. Системе политической монополии соответствует система экономической монополии и, следовательно, без серьезных перемен политической системы нельзя ожидать допущения рыночных отношений в экономическую систему. Раз допущенный, рынок не позволит использовать субъективные критерии при оценке функционирования системы. Нечего и говорить, что без допущения рыночных сил конкуренция в области знаний, опыта и эффективности подменяется конкуренцией в сфере фаворитизма.

Общий вывод из опыта югославских экономических реформ состоит в том, что югославское общество находится на

перепутьи. Оно должно освободиться от устаревших догм „реального социализма“, поскольку все возможные усовершенствования этой модели, испробованные в Югославии, достигли своего предела, а хозяйство страны почти десять лет находится в застое (что стало особенно заметно, когда в страну перестали поступать иностранные займы). В противном случае Югославию постигнет трагическая судьба, и ее связь с развитыми странами Европы будет лишь чисто географической.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Исключенным является сепаратистская политика некоторых лидеров албанского меньшинства в Югославии.
- 2 „Экономска политика“, № 1880, 11 апреля 1988.
- 3 По закону наниматель может иметь не более пяти наемных работников, не являющихся членами его семьи.